

- Вы хотите чего-нибудь? Кроме возвращения в вашу церковь?

При первом вопросе взгляд Лоры вспыхнул энтузиазмом, но после второго вопроса Орвицки огонёк в её глазах погас.

Однако Орвицка заметил, что энтузиазм проявила лишь часть детей. В глазах многих других мелькнул ужас. В отличие от Лоры, услышав второй вопрос, они вздохнули с облегчением.

Но Лора покачала головой, и все дети смолкли.

- Вы знаете, чем занимаются полицейские?

- Вы - люди, обладающие большой властью...

- Нет, вы ошибаетесь, мисс. Мы - люди, поддерживающие порядок в этой стране, Нортонской империи. Что такое порядок? Это когда невинные не страдают. А кто такие невинные? Это когда ребёнок свободно бегает, весело смеётся и никому не мешает - он, без сомнения, невинен.

- Безудержное наслаждение - это грех, сэр, - Лора впервые возразила.

- Раз это грех, то почему вы своими телами должны ублажать тех "отличившихся"?

- Мы - дети бога, мы чисты и безгрешны. Мы должны награждать во имя нашего бога, и тогда радость перестаёт быть грехом.

- Награждать других грешников, позволяя вам, безгрешным, оскверняться грехом?

- Нет! Они не грешники! Они - отличившиеся! - Лора вспыхнула от гнева.

- А вы слышали, в чём заключаются их заслуги? Добыли больше денег для вашего бога? Или больше земли? Или вы вообще понятия не имеете, в чём их заслуги?

- Вы ужасный человек, сэр. Наш священник наставлял нас относиться к вам с уважением, даже если вы исповедуете другую веру. Но вы так сомневаетесь и ставите под сомнение нашего бога... - Лора покачала головой. - Мы не должны произносить злых слов, это грех.

- Лора, будучи девушкой, ты знаешь, что такое беременность? Ты видела других беременных девочек? Ты знаешь, куда они все исчезли?

- Я не хочу отвечать вам, сэр, но я должна следовать наставлениям священника. Я не знаю, куда они делись, но я уверена, что они, несомненно, живут хорошо,нося в себе жизнь, дарованную богом.

- Это тоже вам священник сказал? Если так, то почему рядом с вами не видно ваших родителей?

- Потому что мы - другие, сэр! Мы не забеременеем, мы даже не будем больше расти! Мы - избранные дети бога! - она смотрела на Орвицку взглядом, полным почти жалости.

- А ты ходишь в туалет? Принимаешь ванну?

- Вы! Такой... такой... грубиян!

Орвицка вовсе не шутил, он лишь пытался определить расу Лоры. Оказалось, она всё же человек.

- Хорошо, не будем больше спорить, - Орвицка окинул взглядом детей. Лора была фанатичной верующей, но другие дети явно не разделяли её убеждённости. - Расслабьтесь. Я расскажу вам одну историю. Недавно ко мне в дверь постучалась одна несчастная мать. Вы ведь знаете, кто такая "мать"? Ребёнок рождается из её чрева. Большинство матерей безгранично любят своё дитя. Эта мать, увидев меня, первым делом сказала: "Умоляю вас, сэр, умоляю, найдите моих детей. Неважно, живы они или уже мертвы..."

Орвицка пересказал подлинную трагическую историю госпожи Боент, разумеется, приукрасив некоторые детали.

Услышав первую половину рассказа, Лора просияла, её взгляд на Орвицку потеплел. Орвицка не мог понять, почему она продолжала улыбаться до самого конца. Неужели она не уловила суть?

- Это поистине прекрасная история! У всех наилучший конец! - изрекла Лора.

- Наилучший конец? Разве госпожу Боент не обманули самым подлым образом?

Лора на мгновение застыла, растерянно глядя на Орвицку: - Что? Обман? Дети госпожи Боент были воспитаны церковью, стали детьми бога! Её муж поступил абсолютно правильно, пожертвовав всё церкви! Она сама получила самое ценное сокровище - одобрение церкви и прах мужа! Чего ещё ей желать?

- Мама... я помню это слово... Вы тоже знаете мою маму? - внезапно вскочила девочка с фиалковыми глазами. Её голос был нежным и мелодичным, а взгляд на Орвицку - испуганным и робким.

- На колени! - взревела Лора. Девочка мгновенно с грохотом рухнула на пол - эта реакция стала для неё рефлексом. - Ты грешна!

Лора вскочила, чтобы схватить девочку, но Орвицка перехватил её и оттолкнул на пол. Он встал перед дрожащей девочкой, но не стал помогать ей подняться - ему показалось, что этим детям, вероятно, были неприятны прикосновения взрослых.

- Ты не грешна! Вы все не грешны! Решать, грешны вы или нет - не ей и не вашему священнику!

- Богохульник! - Лора издала пронзительный вопль и, растопырив руки, словно когти хищной птицы, бросилась на Орвицку, но снова была отброшена на пол.

- Кто ещё хочет найти свою маму? Или папу? Или просто устал от такой жизни?

- Вас сожрут демоны снаружи! Помните ту гниющую падаль в яме?! Вы станете такими же! - Лора больше не пыталась встать, но в её крике на этот раз прозвучало нечто новое, зловещее.

Некоторые дети, в глазах которых только что блеснула надежда, услышав её слова, тут же испуганно съжились и снова потупили взоры.

- Я хочу найти маму. Я... я хочу уйти отсюда, - девочка шагнула за спину Орвицки. - Пожалуйста, заберите меня, сэр.

Это была смелая девочка. Она, без сомнения, перенесла невыносимые страдания, но сейчас она решилась довериться Орвицке.

- Я сделаю всё возможное, чтобы найти вашу семью, мэм, - Орвицка протянул ей руку. Девочка вложила свою ладонь в его. - Я помню, тебя зовут Тиффани?

- Тиффани, - кивнула она. - Мою маму кто-то звал Боман... или Ботт... что-то такое. Я помню и папу... он... очень высокий.

Детей забирали у семей в возрасте пяти-шести лет. Тиффани сейчас выглядела лет на двенадцать. Учитывая годы промывания мозгов, то, что она смогла вспомнить хотя бы это, было настоящим чудом.

- Я помогу вам найти их... Клянусь, мэм.

- Я тоже прошу вас помочь! - выступил вперёд ещё один мальчик. Извращённое воспитание лишило их стыда, но не отняло способности чувствовать боль. То, что с ними творила церковь, причиняло им страдания. Наконец, у них появилась реальная надежда. Разве не естественно было желать вернуться к тем, кто относился к ним с добром?

Даже если... образы тех людей были туманны, как отражения в воде, и даже если они сами считали их лишь прекрасным сном.

Орвицка увёл с собой треть детей. Уходя, они морщились от боли при ходьбе, а спускаясь по лестнице, вынуждены были цепляться друг за друга.

Их ноги действительно раньше знали лишь мягкость ковров и гладкость пола. Они мало ходили, а в карету их заносили на руках взрослые. Для таких изнеженных ног грубые деревянные башмаки были настоящей пыткой.

Но стоя под лучами солнца на улице, глядя на бескрайнее небо, одни дети испытывали облегчение, другие - страх.

- Вы вернёте этих детей Церкви Славы? - спросил Орвицка у Скотта.

- Нет. Их отправят в приют Рода Крови. Некоторые, наиболее способные, в будущем станут нашими информаторами. Остальным тоже найдём работу. Можете быть спокойны.

- ... - Значит, они прекрасно знали, что представляет собой Церковь Славы. Но Орвицка не стал их обвинять. Как уже говорилось, Род Крови имел веские причины не вмешиваться в дела церкви.

- Королевская полиция со стороны людей, между прочим, просила у нас этих детей, но мы отказали. Слышал, к вам навевались люди из Церкви Славы? Но они, скорее всего, не знают о вашем статусе в Роду Крови, думают, что это всего лишь междоусобные разборки в нашем управлении, - Скотт наклонился ближе и понизил голос. - Хотя Боростай и сказал, что не сможет оказать вам открытой поддержки в борьбе с Церковью Славы, мы всё же поможем вам неофициально. Пусть человеческие церкви всегда были нечисты на руку, да и мы сами не ангелы в обращении с низшими, но эта церковь перешла все границы.

Какая горькая ирония: Род Крови защищает человеческих детей, а люди готовы бросить их в пасть чудовища. - Спасибо.

Уходя, дети кутались в большие красные зимние мундиры. Снаружи они выглядели так же, как летние, но внутри была подкладка из мягкого тёплого меха: у патрульных - овечьего, у офицеров - волчьего, у чинов повыше - лисьего, норкового или даже тюленьего. В общем, очень тёплые.

Представителям Рода Крови зимние мундиры были ни к чему. После того, как с них спорили

значки, они идеально подошли детям в качестве пальто. Иначе на улице им было бы слишком холодно - зима окончательно вступила в свои права, позавчера даже выпал снег.

Детям тоже понравились эти яркие, тёплые "пальто".

Дети вели себя тихо, но, сидя в карете, они с нескрываемым любопытством глазели на мир за окном. Особенно самые маленькие. Они то и дело поворачивали головы, разглядывая пёстрый, залитый солнцем мир. Спohватившись, они робко отворачивались, испуганно поглядывая на Орвицку, но в ответ встречали лишь его добрую улыбку...

Поэтому к моменту прибытия на улицу Длинной Канавы несколько детей уже прилипли к окнам, толкаясь и наперебой разглядывая улицу.

Орвицка решил не размещать их в участке, а привезти прямо в приют.

У задней стены приюта вовсю кипела работа - его снова расширяли.

Когда Орвицка вышел из кареты, с противоположной стороны улицы к нему подбежал Билл. В предыдущие несколько визитов Орвицки его не было. Билл был одет не в дорогую одежду, а так же, как и другие члены банды Крюка - в бесформенную, толстую ватную куртку.

- Здравствуйте, господин Мондэйл, - его щёки покраснели от мороза, на кончиках ушей виднелись следы обморожения. Видя, что Орвицка совершенно не замечает холода, он невольно позавидовал. Он официально присягнул на верность Орвицке, поэтому больше не называл его офицером. - Какие будут указания?

- Я привёз группу детей из Церкви Славы, - Орвицка поморщился, спина зудела всё невыносимее, к зуду примешивалась лёгкая ноющая боль. "Это не просто зуд, с его телом явно что-то неладно. Похоже, визита в больницу Св. Андреса не избежать". - Эти дети... особенные. Люди из Церкви Света наверняка попытаются их заполучить.

Хотя в самом приюте уже дежурили оборотни-учителя, а на соседней пищевой фабрике всегда хватало оборотней для охраны, лишняя пара глаз никогда не помешает.

- Церковь Света? Эти твари... Я удвою охрану приюта! Ни одна сволочь не посмеет приблизиться к нашему приюту!

- И ещё, передай всем, чтобы перестали подкидывать детей в приют.

- Господин... - Лицо Билла, и без того красное, залилось густым румянцем. - Это дело... я... - он и Орвицка пользовались огромным авторитетом среди бедноты Рыбьего Хвоста, многие были готовы отдать за них жизнь, но только не в этом вопросе.

Жизнь в приюте была слишком хороша, несравнимо лучше, чем рядом с ними. Любящие родители предпочитали терпеть муки разлуки, но отдать детей туда, где им будет лучше. А те, кто и так не мог прокормить своё потомство, разумеется, тоже с радостью избавлялись от лишнего рта.

Поэтому Билл только что сказал "удвоить" охрану - за приютом и так уже давно присматривали посменно. Дети там были "детьми господина Мондэйла", а значит - детьми всего Рыбьего Хвоста.

- Я открою школу. Вероятно, следующим летом. Все дети смогут учиться. И более того, школа будет предоставлять бесплатный завтрак и бесплатный обед.

Он до сих пор помнил выражение лица Большого Мака, когда тот упомянул об отмене городскими властями бесплатного молока во всех государственных школах. Если даже для относительно обеспеченного королевского полицейского это было так важно, то для этих людей, живущих на самом дне, два бесплатных приёма пищи в день имели колоссальное значение.

Билл моргнул, затем шумно втянул носом воздух: - Спасибо, господин Мондэйл! Спасибо!

- Следующей весной я открою и другие фабрики. Пусть все стараются, и мы будем жить лучше!

Орвицка лично проводил детей в приют. Когда они вошли, дети, жившие там раньше, резвились во дворе: играли в "орла и цыплят", прыгали через скакалку, чертили классики, бросали воланчик, носились в догонялки. И те, кто играл, и те, кто просто наблюдал, - все смеялись, бегали, визжали от восторга. На лицах наблюдавших снаружи взрослых тоже сияли улыбки, тёплые, несмотря на зимнюю стужу.

- Господин Мондэйл! - подбежала Дэнни. Другие дети, знакомые и незнакомые Орвицке, тоже ринулись к нему гурьбой.

Орвицка действительно давненько не заглядывал, но прошла всего неделя. Энтузиазм детей был чрезмерным. Дети, сидевшие в карете, только что с любопытством наблюдавшие за происходящим, теперь испуганно забились вглубь. Но через мгновение они снова высунули любопытные носики.

Дети в этом возрасте, за исключением редких прирождённых тихонь, как правило, должны быть шумными, неугомонными, полными бьющей через край энергии.

Они должны носиться со сверстниками, громко кричать, гоняться друг за другом, играть и шалить.

Орвицка опустился на одно колено, обнимая детей по очереди. Затем он вернулся к карете, распахнул дверцу и лично протянул руку детям внутри: - Идёмте. Отныне это ваш дом, а они - ваши братья и сёстры. И даже если в будущем вы найдёте свой настоящий дом, это не изменится.

Тиффани первой протянула руку Орвицке: - Я... Вы... Вы можете меня обнять? - спросила она неуверенно, как раз когда Орвицка собирался взять её за руку и помочь сойти.

В её фиалковых глазах он прочёл ожидание и любопытство.

- Конечно, - Орвицка улыбнулся и обнял её. Девочка обвила его шею руками и закрыла глаза. Орвицка осторожно снял её с кареты и поставил на землю.

Когда Тиффани отпустила его, Орвицка увидел, что она украдкой вытирает глаза. Он был не первым, кто обнимал её без похоти - ведь детей носили на руках их "учителя", - но прежние объятия были либо холодными, либо, наоборот, "слишком горячими". Впервые обнимавший её человек излучал такую нежность и готовность защитить.

Она почувствовала себя в безопасности, и из глубин памяти всплыли какие-то смутные, давно забытые образы.

Тиффани потянула Орвицку за рукав. Он увидел, как дрожат её губы. То слово... кажется, это было "папа".

Он снял детей из кареты одного за другим. Дэнни взяла Тиффани за руку и решительно сказала Орвицке: - Мы о них позаботимся, сэр!

- Спасибо, Дэнни.

Вернувшись в карету, Орвицка сжал правую руку в кулак и принялся с силой бить им по ладони левой. Гнев клокотал у него в груди.

Орвицка вернулся в участок. После обеда ему предстояло отправиться с Далианом в Чёрный район, чтобы осмотреть приход Церкви Славы...

- Хочешь чем-то поделиться?

- Мне кажется... я ужасный лицемер.

- ?

- Я ничего не могу поделать с Церковью Славы, - Орвицка закрыл лицо руками. - Я с самого начала знал, что бессилён. Иначе, когда тот толстяк пришёл ко мне, я должен был его арестовать. Это же была неприкрытая взятка, а его дальнейшие слова - фактически признание в причастности к похищению детей! Но я отпустил его... Или в тот день, когда ко мне пришла госпожа Боент, я должен был пойти с ней напрямиком в их церковь и потребовать ответа: где её дети? Это мой долг как полицейского, но я и этого не сделал! Сегодня ты показал мне их приход... и что я могу? Даже зная, что каждый их вздох - преступление, что я могу сделать?! Я так хочу их всех перебить!

К прошлым преступникам Орвицка подсознательно испытывал желание "поймать и предать суду". Даже если считал, что они заслуживают смерти, он не хотел марать руки. Если противник не оказывал яростного сопротивления, Орвицка предпочитал брать живьём.

Но на этот раз его охватила невиданная прежде жажда крови. Ему хотелось вырваться, использовать свои способности Рода Крови и уничтожить их всех до единого.

Далиан притянул Орвицку к себе, крепко обнял и без малейшего колебания, с ледяной решимостью произнёс: - Хорошо. Пойдём и убьём их.

- Нет... - Орвицка вцепился в одежду Далиана, горько усмехнулся и сам же отверг своё предложение. - Сразу станет ясно, что это дело рук иных рас. Я не могу подставлять Род Крови и оборотней.

К Роду Крови и оборотням за это время Орвицка всё же проникся чувством глубокой общности.

Он не был одиночкой. Он был наследным принцем Рода Крови, у него был партнёр, целая стая оборотней, он был владельцем "Сладкой Курочки" и работодателем для множества людей, почётным директором и главным спонсором приюта Мондейл, "папой Мондэйлом" для осиротевших детей.

Он не мог действовать безрассудно.

- Всё ещё поедем в те приходы?

- Поедем. Авось, что-нибудь придумаем.

Наскоро перекусив жареной курицей, Далиан переделся в офицерский мундир. За рулём сидел Йордни. Они направились в ближайший приход Церкви Славы, расположенный в Чёрном районе.

Приходы трёх великих церквей не имели чётких границ, зачастую переплетаясь. Поговаривали, что в одном из районов три церкви стояли на одной улице, яростно конкурируя друг с другом.

Но территория Церкви Славы была огорожена. Массивные железные ворота перекрывали целую улицу. Возможно, потому что был день, ворота стояли настежь, но вокруг них расхаживали дюжие молодцы с молотами в руках, отгоняя любопытных, подошедших слишком

близко. Увидев приближающуюся полицейскую карету и троих людей в красной форме, громилы не выказали ни малейшего страха.

Орвицка посмотрел на них через окно кареты. Мужчины встретили его взгляд в упор, некоторые даже сверлили его глазами с откровенным вызовом.

Однако, в конце концов, они не стали преграждать путь полицейской карете и пропустили её.

- И такое... государство позволяет? - Это больше походило на захват территории и установление собственных порядков.

- Я тоже впервые с таким сталкиваюсь. Впрочем, у больших и малых церквей имеются "религиозные автономии". Хоть они и платят налоги, но раз это автономия, то, естественно, управляются самостоятельно - по сути, государство в государстве. Но такие автономии обычно располагаются в сельской местности. Я видел золотые подсолнуховые церкви Церкви Славы и в других районах, но там всё было как у прочих церквей.

Карета продолжала свой путь. Улицы по обе стороны прихода были на удивление чистыми и ухоженными: ни опавших листьев, ни мусора, ни луж. Занавески на окнах домов были распахнуты, демонстрируя идеальный порядок внутри.

В это время дня на улицах обычно резвились дети, но здесь царил гнетущая тишина, не было видно ни единой детской души. Лишь изредка быстро проходили несколько взрослых с застывшими улыбками на лицах.

На самом деле, прихожане Церкви Славы, жившие в этом пригороде, не должны были принадлежать к самым бедным слоям - ведь ежемесячный взнос в размере минимум 50 айко был непосилен для нищих. Вероятно, большинство из них были похожи на госпожу Боент: имели какое-то образование, неплохую работу, не относились к самому дну общества, но и до среднего класса не дотягивали.

Такие люди, если бы усердно трудились и откладывали деньги, их дети смогли бы по крайней мере получить базовое образование, и положение семьи осталось бы стабильным. Но они отдали своих детей, всю жизнь надрывались на работе, а кормили в итоге ужасное чудовище.

Орвицка услышал пение. Сегодня как раз было воскресенье. Удивительно, но в это время в

церкви ещё кто-то пел.

Церковь Славы внешне мало отличалась от других небольших церквей - такое же белое здание с остроконечной крышей. Разница была лишь в том, что крышу венчал огромный золотой подсолнух.

Послеполуденное солнце отражалось от золотого цветка, и его лучи больно резали глаза Орвицке. Двери церкви были распахнуты, изнутри доносилось монотонное пение: "Слава, благодать, слава превыше всего, окружи славой, раздели благополучие...".

Хор, стоявший слева от алтаря, в отличие от других церквей, состоял не из детей, а из взрослых - мужчин и женщин лет двадцати-тридцати. Скамейки были заполнены людьми, большинство из которых пели с закрытыми глазами, полностью погрузившись в транс.

Молодой служка в серой рясе заметил их у входа и, видимо, поспешил позвать старшего. Вскоре из глубины церкви вышел священник средних лет в белой рясе и направился к ним.

Некоторые из поющих были потревожены их появлением. Они синхронно повернулись и уставились на Орвицку. Это напоминало сцену из фильма ужасов: секунду назад они самозабвенно и нежно выводили псалмы, а теперь их лица стали напряжёнными и враждебными, как у волков, чей дом осквернили враги.

- Здравствуйте, господа офицеры, - лишь священник лучезарно улыбался, словно был воплощением доброты и радушия. - Рад приветствовать вас на земле моего господина. Я здешний священник, Бейнш Чикли. Чем могу быть полезен?

- Я полагал, здесь служит отец Кристо Мондевар.

- Тот священник из 3-й церкви Чёрного района. А это 1-я церковь.

- Какая же церковь лучше?

- Э-э... Мы все служим во славу бога света. Нет лучших или худших.

Орвицка кивнул: - Священники Церкви Славы все носят фамилии? Почему не отказываются от них, как священники трёх великих церквей? Неужели вы все ещё поддерживаете связи с миром?

- Разумеется, нет. Мы сохраняем фамилии лишь потому, что учение нашей церкви более снисходительно и позволяет сохранять привязанность к семье.

Орвицка снова кивнул. Отец Чикли уже было решил, что Орвицка удовлетворён ответом, как тот продолжил: - Значит, всё-таки поддерживаете связи с миром.

- ...

В тот момент, когда отец Чикли окончательно убедился, что Орвицка пришёл искать ссоры, тот достал из-за пазухи купон на 10 золотых гербов.

- Это моё скромное пожертвование. Я рад, что Церковь Славы, как я и предполагал, всё ещё имеет связи с миром. Меня весьма заинтересовало учение вашей конфессии. Не могли бы вы подробнее мне его разъяснить?

Священник жестом велел службе принять купон. На его лице не отразилось ни удивления, ни радости - видимо, он повидал немало, и 10 золотых гербов не произвели на него особого впечатления. Но, по крайней мере, он понял, что Орвицка, вероятно, пришёл не скандалить.

- Я с радостью беседую со всеми, кто ищет путь к господу, и готов развеять любые их сомнения.

- Я слышал, ваша конфессия помогает прихожанам с работой, берёт на себя заботу об образовании детей, медицинском обслуживании и пенсионном обеспечении взрослых?

- Конечно! Цель нашей Церкви Славы - чтобы все без исключения купались в лучах славы бога света!

<http://bllate.org/book/17916/1715873>